

Литературоведение

УДК 821.161.1
DOI 10.17223/18137083/73/4

Специфика повествования о правителях в русских мемуарах 20-х – 70-х годов XVIII века

О. С. Рощина, О. А. Фарафонова

*Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Рассматриваются способы самопрезентации авторов в соотношении с презентацией фигуры правителя в русских мемуарах XVIII в. Для мемуаров 1720-х – 1750-х гг. характерно совмещение личного и безличного повествования с преобладанием последнего, благодаря чему создается видимость объективного взгляда на события. В адрес правителей мемуаристы не высказывают оценочных суждений и описывают только факты. В 1760-е – 1770-е гг. авторы используют по преимуществу личное повествование и отмечают какие-либо недостатки царствующих особ. В одних случаях мемуаристы извиняют их, объясняя пагубным влиянием окружения или не признавая особо серьезными. В других случаях недостатки в государственном правлении или неправильные действия монарха видятся прямым следствием качеств его личности.

Ключевые слова

XVIII век, мемуары, повествование, самопрезентация автора, фигура правителя

Для цитирования

Рощина О. С., Фарафонова О. А. Специфика повествования о правителях в русских мемуарах 20-х – 70-х годов XVIII века // Сибирский филологический журнал. 2020. № 4. С. 63–75. DOI 10.17223/18137083/73/4

Specifics of the narrative about the rulers in Russian memoirs of the 20s – 70s of the 18th century

O. S. Roshchina, O. A. Farafonova

*Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation*

Annotation

The paper considers the ways of authors' self-representation concerning the presentation of the figure of the ruler in Russian memoirs of the 18th century. The memoirs of the 20s – 50s tend to combine personal and impersonal narrative with the predominance of the latter. This combination makes the view of events seem objective. Memoirists do not make value judgments about rulers and describe only facts. However, even in an impersonal narrative, memoirists, being former participants or witnesses of the described events, cannot avoid making

© О. С. Рощина, О. А. Фарафонова, 2020

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2020. № 4
Siberian Journal of Philology, 2020, no. 4

judgments about various figures of their era. In the 60s and 70s, authors mostly used personal narrative and noticed any shortcomings of the reigning characters. In some cases, memoirists justify and explain them by the harmful influence of the courtier environment or do not recognize them as particularly serious. In other cases, shortcomings in public administration or wrong actions of the monarch are seen as a direct consequence of his personality. Memoirists, whose personal formation, as a rule, was in the time of Peter the Great (Neplyuev, Shakhovskaya), think about the figure of the sovereign as of an absolute super-personal value. Obviously, this personal value came to be devalued in the minds of people of the post-Petrine era and/or those personally affected by the rule of a monarch (Dolgorukaya, Minikh). The process of memoir individualization occurs during this period simultaneously in two directions – of the subject of the utterance and the object of description.

Keywords

the 18th century, memoirs, narrative, author's self-representation, figure of the ruler

For citation

Roshchina O. S., Farafonova O. A. Specifics of the narrative about the rulers in Russian memoirs of the 20s – 70s of the 18th century. *Siberian Journal of Philology*, 2020, no. 4, p. 63–75. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/73/4

Мемуарные тексты отличает безусловная уникальность и индивидуальность повествования, что определяется сразу двумя факторами. Во-первых, как отмечала Л. Я. Гинзбург, мемуары принадлежат к «промежуточным жанрам, ускользавшим от канонов и правил», в силу чего им «издавна присуща экспериментальная смелость и широта, непринужденное и интимное отношение к читателю» [1999, с. 118]. Во-вторых, жизненный путь, становящийся в мемуарах основой и главной целью повествования, уникален у каждого автора. Для культуры XVIII в. характерна ориентация на сверхличные ценности, в качестве которых мыслились, прежде всего, государь и отечество. Отношения мемуариста с властителем или властителя с ним, фавор или опала от очередного государя, судьбоносная встреча с монархом, справедливый или несправедливый суд царя, искание монарших милостей или честное служение государю и отечеству – все это неотъемлемая часть повествования о себе в русской мемуаристике XVIII в.

Опыты русской мемуаристики первой половины XVIII в., зачастую носящие еще, по мнению А. Г. Тартаковского, «внешнесобытийный по отношению к личности автора характер» [1991, с. 35], тесно связанные с древнерусской традицией отстраненного летописания, отражают процесс постепенного обретения опыта самовыражения. Как отмечает О. В. Сосновцева, «авторская индивидуальность выражена лишь в некоторых источниках Петровской эпохи: записках по различным вопросам, исторических сочинениях, частично в переписке. Антропоцентризм в Петровскую эпоху делает первые робкие, но успешные шаги» [2007, с. 10]. Г. Г. Елизаветина справедливо отметила: «...период с 30-х по 60-е годы стал для русской мемуаристики временем накопления новых качеств», временем, которое подготовило «скачок в развитии мемуарно-автобиографических жанров», произошедший в последние десятилетия XVIII в. [1982, с. 241]. Однако подробно на этом вопросе исследователи не останавливаются.

Предметом анализа в настоящей статье являются способы самопрезентации авторов в соотношении с презентацией фигуры правителя в русских мемуарных произведениях 20-х – 70-х гг. XVIII в. Говоря о русских мемуарах XVIII в., мы имеем в виду не только воспоминания, написанные на русском языке, но и мемуарные тексты, написанные на европейских языках иностранцами, долгое время находившимися на русской службе и описавшими ее. Рамки статьи не позволяют

охватить весь интересующий нас материал, поэтому для рассмотрения мы берем только некоторые наиболее репрезентативные в ракурсе нашего исследования тексты.

Материал представленного в настоящей статье исследования составляют русские мемуары 20-х – 70-х гг. XVIII в., в которых нашли отражение фигуры русских правителей от Петра I до Екатерины II. Описания в мемуарной литературе Екатерины II и Павла I в конце XVIII – начале XIX в. исходят из несколько иных интенций мемуаристов по отношению к фигуре правителей, что может являться предметом отдельного исследования. Как отмечает Е. Е. Приказчикова, «антитечность екатерининской эпохи по отношению к петровскому времени явственно бросалась в глаза современникам» [2019, с. 121].

В первые десятилетия XVIII в. «развитие мемуаротворчества идет еще весьма медленно» [Тартаковский, 1991, с. 26]. По подсчетам Тартаковского, до нашего времени дошло не более 30 мемуарных источников, датируемых первой половиной XVIII в. Исследователь отмечает, что «одной из центральных тем всех этих произведений» является Петр I, «его личность, его реформаторские усилия на военном, дипломатическом, просветительском и иных поприщах» [Там же, с. 36]. «Единственное мемуарное жизнеописание, дошедшее до нас от петровского времени, принадлежит Борису Ивановичу Куракину, который без всякого преувеличения может быть назван первым русским мемуаристом» [Там же, с. 39]. Но и в этом тексте, оставшемся, по словам Тартаковского, «не более чем яркой вспышкой» в русской мемуаристике первой половины XVIII в., носившей по преимуществу летописно-аналитический характер, Петр является едва ли не центральной фигурой, относительно которой Б. И. Куракин (1676–1727) выстраивает повествование о себе самом. История царствования первого русского императора становится для Куракина своего рода канвой, по которой он пишет историю своей жизни: «И того года пожалован я в спальники к царю Петра Алексеевичу, и начал того года учиться грамоте по славянски. <...> И того года я женился летом, после Петрова дня. <...> И того лета, после Петрова дня, Его Величество пошел в Переяславль со всем двором. <...> А я был в ту пору в рейтарах. <...> И на весну того года Его Величество был у города Архангельского вдругоредь, а прежде того, при матери один раз был. А я в ту пору был в градусе со спальниками, а не с начальными людьми» [Куракин, 1890, с. 247–251]. С одной стороны, такой параллелизм изображения личной истории мемуариста и истории жизни и царствования первого русского императора может объясняться реальной близостью к монарху Куракина, бывшего современником, фактически ровесником, сподвижником и свояком Петра I. С другой стороны, нельзя не отметить, что мемуары Куракина, при всей их исключительности для своего времени, отражают основную тенденцию мемуарной литературы первой половины XVIII в. Интерес к жизни и личности Петра I, очевидный пиетет перед этой фигурой во многом определяют тематику и характер повествования большинства произведений историко-биографического и мемуарного характера первой половины XVIII в.

Особое место в ряду таких текстов принадлежит произведениям Феофана Прокоповича (1681–1736), в которых образ Петра «строится по риторическому принципу, что сближает его с тем типом идеального правителя, который разработан в предшествующей литературной традиции» [Никанорова, 2001, с. 116]. Феофан Прокопович, рассказывая о болезни, смерти и похоронах Петра I в «Краткой повести о смерти Петра Великого...» (1726), использует безличные формы, излагая факты. И в то же время задействует повествование от первого лица, сочетая

множественное и единственное число в глагольных и местоименных формах. Множественное число первого лица Ф. Прокопович постоянно использует и в своих проповедях в контекстных значениях «мы – христиане» или «мы – россияне». В «Краткой повести о смерти Петра Великого...» множественное число первого лица возникает в повествовании в самом начале, фиксируя позицию «самовидцев-свидетелей, которым все сие известно есть» [Прокопович, 1831, с. 1–2], и в конце текста: «И такое-то от нас было великому Герою, Государю и отцу нашему последнее послушение, которого желали мы паче многолетно живущего и царствующего видеть с радостию, а не погребальными почестями украшать в общей печали и горести» [Там же, с. 38]. Единственное число первого лица появляется в момент наблюдения и описания разных способов выражения скорби окружающими людьми: «Разный позор был печали, по разности, чаю, натур, не аффектов; ибо не надеюсь, чтобы и един такой сыскался, котораго бы не уязвляла смерть настоящая толикаго Государя, героя и отца отечества» [Там же, с. 7]. О себе как участнике событий Ф. Прокопович рассказывает, используя номинации «епископ Псковский» и глагольные формы третьего лица единственного числа.

Идентичную повествовательную стратегию демонстрирует Ф. Прокопович и в «Истории о избрании и восшествии на престол... Анны Иоанновны» (1730) [Прокопович, 1837], где действия будущей правительницы описываются в безличных формах. Однако уже и в безличном повествовании не только описывается ряд последовательных событий, но и излагается личное нелицеприятное отношение к членам Верховного совета. Единственное и множественное число первого лица используются при описании собственных непубличных действий, суждений и фиксации процесса письма. Описывая собственные публичные действия как официального лица, Ф. Прокопович именуется «епископом Новгородским», используя глагольные формы третьего лица единственного числа. Как отметила Г. Г. Елизаветина, «традиция третьего лица в мемуаристике была давней, общемировой и живучей. <...> Употребление третьего лица как бы придавало значительность рассказываемому, видимость объективности, затеняя автора и выдвигая на первый план то, о чем он сообщает» [1982, с. 238–239]. В случае Феофана Прокоповича, имеющего богатейший опыт создания текстов разных речевых жанров (в том числе литературных и ораторских), использование разнообразных точек зрения и обусловленных ими повествовательных приемов еще представляется способом создать своеобразную мемуарную оптику, где бы органично сочеталось личное и сверхличное, частное и общественное, взгляд на событие, условно говоря, «изнутри» и «извне».

В мемуаристике 40-х – 50-х гг. XVIII в. авторы также зачастую совмещают личное и безличное повествование. Например, в «Записках о России» (1753) Х. Г. Манштейна (1711–1757) авторское «я» с самого начала фиксируется в позиции «знающего свидетеля»: «Пробыв большую часть моей жизни в России, я успел достаточно познакомиться с обычаями этой страны, выучиться русскому языку и был свидетелем многих необыкновенных событий» [1875, с. 2–3]. Манштейн на протяжении всего повествования, охватывающего период с 1727 по 1744 г., не столько выражает свое отношение к описываемым событиям, сколько стремится показать читателям полную и по возможности объективную картину этого периода русской истории. Используя по большей части безличное повествование, Манштейн пишет записки именно о России, а не о себе. Однако личное «я» периодически как бы «включается» в пересказ событий. Часто эти включения но-

сят у Манштейна метатекстуальный характер: «Так как я буду еще иметь случай говорить об этом канале, то распространюсь о нем ниже»; «После довольно большого отступления пора продолжать прерванную историю» [Манштейн, 1875, с. 18, 32].

Иной тип личных конструкций, встречающихся в «Записках» Манштейна, служит для оценивания мемуаристом собственного кругозора и осведомленности о событиях. В ограниченности своих сведений автору приходится признаваться крайне редко: «Не знаю, какими путями, князь Долгорукий узнал...» [Там же, с. 22]. В целом же Манштейн выстраивает свое повествование таким образом, что у читателя не возникает сомнений в достоверности и полноте описываемого. Мемуарист встает в своего рода историографическую позицию всеведения, собирает информацию об описываемых событиях настолько возможно полно, в деталях передает, например, историю избрания новой императрицы и воцарения Анны Иоанновны, старается объяснить причины и показать последствия поступков правителей и сановников. Именно так он поступает, описывая странную для непосвященного ситуацию с казнью Долгоруких: «Это несчастное семейство провело восемь лет спокойно в своей ссылке. Как вдруг <...> возобновили старое обвинение в составлении подложного завещания. <...> Князей Василия и Ивана <...> колесовали, двое других четвертованы, еще двое или трое наказаны другого рода смертью. Этот переход от освобождения к казни, без сомнения, покажется странным; я постараюсь несколько объяснить дело» [Там же, с. 28]. Объясняя такую внезапную перемену судьбы Долгоруких, Манштейн пишет: «Говорят, будто Волынский всего более содействовал их гибели, но истинная причина будет все-таки заключаться в злом сердце Бирона, который никогда не мог простить их требования, чтобы императрица не брала его с собой из Митавы» [Там же, с. 29–30]. Манштейн чрезвычайно подробно останавливается на истории Бирона, видя в нем главную причину многих событий царствования Анны Иоанновны. Личная позиция мемуариста по отношению к излагаемым фактам и описываемым историческим персонажам, как правило, едва различима в «Записках» Манштейна, становится совершенно очевидной, когда речь идет о Бироне.

В. А. Нащокин (1707–1759) в «Записках» (1759) также использует как личные, так и безличные формы повествования. Автор стремится «для достопамятства внести в журнал» [Нащокин, 1998, с. 277] значимые события как общероссийские, так и личные, при этом обе линии повествования, не отделяясь друг от друга, ведутся в стиле хроники. Безличное повествование используется для описания или упоминания казней, ссылок, свадеб, смертей, кратких биографий известных людей, пожаров, наводнений, нашествия саранчи, солнечного затмения, постройки дворцов и церквей, обстоятельств военных кампаний, маневров и дислокации войск, дворцовой жизни и т. п. Местоименные формы первого лица единственного числа появляются для уточнений, был он сам свидетелем описываемых событий или нет, не часто в описании событий, связанных с его службой, и всегда в описании семейной хроники (рождений, смертей, браков, продвижений по службе своих многочисленных родственников).

Правители описываются по преимуществу безлично и безоценочно в традиционных риторических формах их именованья: «всемиловитейшая государыня императрица и самодержица всероссийская Екатерина Алексеевна»; «его императорское величество», «государь» Петр II; «ее императорское величество», «государыня» Анна Иоанновна; «ее императорское величество», «наша всемиловитейшая государыня», «великая государыня императрица» Елизавета Петровна;

все монархи «изволят» совершать какие-либо действия [Нащокин, 1998]. Однако, как видим, только ближайшие члены семьи Петра I (Екатерина Алексеевна и Елизавета Петровна) удостоиваются панегирических именованний. Бирон и Анна Леопольдовна даже не упоминаются как правители, при этом Нащокин фиксирует, что в 1747 г. «обедал у бывшего в России регента» в Ярославле, где «герцог фон Бирон со своей фамилией живет в аресте. Оный герцог одарил меня буланым жеребцом ценою рублей до ста» [Нащокин, 1998, с. 264]. При описании правителей «я» автора «Записок» появляется считанные разы – только в отношении Петра I и Елизаветы. Даже описывая личные чувства и свои действия в конкретных ситуациях, автор избегает высказывать личные мнения, суждения и оценки в стремлении выдержать беспристрастное объективное повествование. Какие-либо оценочные высказывания (лестные и нелестные) появляются лишь иногда в характеристиках известных людей своей эпохи.

Мемуарные тексты авторов второй половины XVIII в. могут содержать диаметрально противоположные характеристики монархов. Одним из ярких примеров служит изображение Анны Иоанновны в записках Н. Б. Долгорукой (1714–1771) и Б. Х. Миниха (1683–1767). «Своеручные записки княгини Натальи Борисовны Долгорукой» (1767) выделяются на фоне мемуарных произведений XVIII в. предельной сосредоточенностью автора на истории «своих бедствий». Долгорукая пишет об Анне Иоанновне: «престрашного была взору, отвратное лицо имела, так была велика, когда между кавалеров идет, всех головою выше, и чрезвычайно толста» [Долгорукая, 1991, с. 262]. Миних же, описывая Анну Иоанновну, отмечает, что «эта великая государыня обладала от природы большими достоинствами. Она имела ясный и проницательный ум, знала характер всех, кто ее окружал, любила порядок и великолепие <...> она была великодушна и находила удовольствие в том, чтобы творить добро и щедро вознаграждать за заслуги» [Миних, 1991, с. 58–59].

Очевидная разница в описании императрицы Анны Иоанновны легко объяснима положением, в котором оказались оба мемуариста с ее приходом к власти. Для Долгорукой смерть юного Петра II и последующая «коронная перемена» (т. е. смена правителя) были катастрофой, повлекшей за собой ссылку, ужасные потери, страшную казнь мужа: «Как скоро вступила в самодержавство, так и стала искоренять нашу фамилию» [Долгорукая, 1991, с. 263]. Для Миниха же время правления Анны Иоанновны было временем расцвета его карьеры, именно при ней он стал президентом Военной коллегии и генерал-фельдмаршалом. Пытаясь найти оправдание жестокости императрицы в отношении Долгоруких, Миних пишет: «...недостаток ее заключался в том, что она любила покой и почти не занималась делами, предоставляя министрам делать все, что им заблагорассудится, чем и объясняются несчастья, постигшие семьи Долгоруковых и Голицыных, ставшие жертвами Остермана и Черкасского, опасавшихся их превосходства по уму и заслугам» [Миних, 1991, с. 59]. В гонениях на виднейших вельмож и влиятельные семейства империи Миних обвиняет не императрицу, а ее фаворита: «Волынский, Еропкин и их друзья стали жертвами Бирона. <...> Я сам был свидетелем того, как императрица плакала горькими слезами, когда Бирон метал грома и молнии и угрожал нежеланием больше служить, если императрица не пожертвует Волынским, а также другими» [Там же].

Записки Миниха официально называются «Очерк, дающий представление об образе правления в Российской империи» (1763–1764) и, по мнению Е. Анисимова, они «ставят главную цель – показать молодой, неопытной в делах управления

императрице (Екатерине II), как пагубна для государства может быть “слабость” государя к фавориту» [Анисимов, 1991, с. 15]. Миних не стремился написать собственно свои воспоминания. Выполняя поставленную перед ним Екатериной II задачу представить обзор предшествовавших ей правлений, Миних старался быть как можно более объективным, но, «чем ближе становится время, в котором он жил и о котором пишет, тем живее становится изложение, хотя все менее и менее объективным. Но этого и не следует ожидать от активного участника острых политических смут у подножья трона» [Там же]. Это особенно заметно при сопоставлении характеристик, которые он дает временам Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны. При первой, как мы уже отметили, он стал фельдмаршалом и весьма влиятельным в России человеком, при второй оказался в жесточайшей опале и едва не лишился самой жизни. Повествование о времени Анны Иоанновны превращается у Миниха в довольно подробный рассказ о себе и своих деяниях, «я» автора в этой части «Очерка» по сравнению с остальным текстом актуализировано в высшей степени. Рассказ о правлении Елизаветы Петровны значительно меньше по объему, Миних пытается быть объективным, но, как отмечает Анисимов, «хитроумно обходит острые углы», замалчивая некоторые «неудобные» для его повествования факты и преподнося описываемое так, что у читателя может сложиться впечатление, что автор записок сам был свидетелем того, о чем пишет. Но если это совершенно справедливо в отношении его истории времени правления Анны Иоанновны, то невозможно по отношению к Елизавете: Миних был арестован сразу же по приходе дочери Петра к власти и все 20 лет ее царствования провел в ссылке. И именно Елизавете Миних дает более подробную и обстоятельную личностную характеристику, сосредоточившись на особенностях ее характера. Если в качестве «слабостей» Анны Иоанновны Миних несколько раз отмечает ее «стремление к покою», которое давало «министрам возможность удовлетворять свои амбиции и действовать в своих интересах» [Миних, 1991, с. 60], то о недостатках правления Елизаветы, проистекающих из недостатков ее собственной натуры, пишет значительно подробнее: «Она была непримирима <...> потому что никогда не хотела простить ни графа Остермана, ни графа Левенвольде, ни Головкина, ни Менгдена, ни меня, ни моего сына, который никак не участвовал в моих ошибках, если можно назвать ошибками повиновение приказам императрицы Анны, моей государыни» [Там же, с. 73]. Итог правления «его государыни» Миних, очевидно, считает более благодетельным для России, нежели последствия царствования Елизаветы: «Она [Анна] придала пышность своему двору, построила императорский дворец, увеличила гвардию за счет Измайловского и конногвардейского полков, значительно увеличила артиллерию, содержала армию и флот в превосходном состоянии, основала Кадетский корпус и, умирая, оставила в казне два миллиона наличными деньгами» [Там же, с. 56]. Что же касается Елизаветы, то Миних не отмечает ни одного хоть сколько-нибудь положительного результата ее правления: «...разорительные монополии и ужасный таможенный сбор; плохое состояние флота <...>; плохое состояние Ладожского канала, упадок города Кронштадта; <...> жестокая и разрушительная война с королем Пруссии, в течение которой были пролиты потоки христианской крови <...> вывезены из России несметные суммы, при этом империя не получила никакой выгоды» [Там же, с. 73]. Личная позиция самовидца помогает Миниху придать своему повествованию достоверный характер. Аргумент «сам видел», «сам был свидетелем», повествование от первого лица являются в его мемуарах наиболее весомыми доказательствами истинности рассказываемого. Понятно, что зна-

чительно чаще он прибегает к этому приему в описаниях Анны Иоанновны, история царствования которой изображается Минихом как, по сути, его собственная история. В части «Очерка», посвященной правлению Елизаветы Петровны, Миних лишь дважды употребляет личные конструкции, стараясь придать своему тексту отстраненно-объективный тон.

Я. П. Шаховской (1705–1777) в «Записках» (1772), постоянно обращаясь к «благодарному», «любезному», «любопытному», «патриотический дух имеющему» читателю, ведет повествование только от первого лица и дает «краткое описание знатнейших мною произведенных дел и впоследствии со мною приятных или противных приключений» [Шаховской, 1998, с. 11]. Описывая личные качества и поведение в конкретных ситуациях множества людей, в том числе и правящих особ, с которыми ему довелось общаться лично, Шаховской не дает никаких характеристик Анне Иоанновне и Анне Леопольдовне, которых видел лишь издали, а также и Петру III, который «подписал указ об увольнении [Шаховского] от всех дел» [Там же, с. 153] и встречи с которым были мимолетны. Но описывает Бирона, Елизавету и Екатерину II, которые оказывали ему «многие милости». Каждый правитель, как и любой другой человек, в мемуарах Шаховского изображается только в связи с конкретной рассказываемой автором ситуацией, основным действующим лицом в которой является он сам.

В частности, мемуарист описывает произошедший в 1735 г. «колкий и дерзкий с его светлостью разговор» по поводу предоставленных фельдмаршалом Минихом сведений, когда герцог Бирон говорил «осердясь, весьма вспыльчиво», а герцог «Записок», «следуя [своим] правилам, чтобы во всяких случаях справедливость предпочитать всему, робким быть за стыд почитая <...> отвечал, что то донесение несправедливо» [Там же, с. 18–19]. Шаховской пишет, что в нарушение его ожиданий впоследствии Бирон относился к нему весьма благосклонно и милостиво, удаляя разговоры и аудиенции, будучи уже регентом.

Достаточно места в «Записках» Шаховского уделяется «вселюбезной дочери» [Там же, с. 56] Петра I, на указы которого автор часто ссылается, предпринимая попытки возобновить их действие во времена правления Елизаветы. Шаховской говорит о «безмерной к милосердию склонности» государыни, аттестует ее как «великодушную и справедливую любящую», «милостивое и добродетельное сердце» [Там же, с. 57, 63, 65] имеющую в ситуациях, когда спорные дела решаются в основном в его пользу. И в то же время, описывая придворные интриги, Я. П. Шаховской неоднократно показывает, как «добродетельное сердце всемилостивейшей монархини <...> пленяется коварством» противников автора, которые умеют «оное доброе сердце в свою надобность употреблять» [Там же, с. 96–97]. Также Шаховской описывает, что ему трижды пришлось напоминать императрице о необходимости возобновления выплаты ему приостановленного жалования, однако не позволяет себе какие-либо комментарии по поводу «забычивости» государыни. Рассказывая о своем дневании у тела почившей императрицы, автор говорит, что он ее «чистосердечно с рабскою верностью любил» [Там же, с. 158].

О призвавшей Шаховского обратно на службу после восшествия на престол Екатерины II он говорит, что «разум и честный характер, с многими дарованиями соединенный, уже за несколько лет во всех ее поведеньях познавал» [Там же, с. 165], называет ее «разумной, милостивой и трудолюбивой монархиней» [Там же, с. 167], перечисляет «отменные знаки милости и доверенности ее величества» [Там же, с. 172] в путешествии в Москву на коронацию и обратно через Переяславль, Ростов и Ярославль, где Шаховской по собственному почину взялся произ-

водить ревизии воеводских канцелярий и магистратов. Однако, как и в случаях с описанием Елизаветы Петровны, при победе своих противников он сетует: «для чего <...> наиразумнейшие, добродетельнейшие <...> монархи не могут избежать злоковарных сетей, в которые льстецы <...> их заводят, и <...> отгоняют беспристрастно с искреннею любовью монархам и отечеству служащих людей» [Шаховской, 1998, с. 174].

Обосновывая правильность и пользу для отечества своих действий, Шаховской приводит примеры из Священного писания, ссылается на труды Диоклетяна и Фенелона, использует русские пословицы и поговорки. В конце «Записок» автор приводит обоснование их написания, апеллируя не к читателю-современнику, но к потомкам: «...дабы и по смерти моей, когда найдутся такие люди, которые при рассуждениях об оных делах разно толковать будут, удобнее было детям моим и их потомкам при таких случаях меня извинить» [Там же, с. 175]. Существенно, что в своих обширных «Записках» Шаховской дает очень скудные и отрывочные сведения о семье, сосредоточивая внимание исключительно на своей деятельности сановника.

Манера повествования в «Записках» (1773) И. И. Неплюева (1693–1773) и в «Записками» Я. П. Шаховского схожа – описание событий с точки зрения их непосредственного участника: «...я только веду историю о всем том, что ко мне единственно принадлежит» [Неплюев, 1998, с. 438]. Большую часть своей жизни Неплюев служил отечеству за границей или на его окраинах. За время службы ему пришлось видеть многих правителей, о чем он, в частности, и сообщает в своих «Записках». Говоря о монархах, Неплюев показывает, как формируется его мнение о них на основе личного опыта. В отношении Петра I помимо описаний конкретных ситуаций (экзаменовки, определения на службу, опоздания на службу, приглашения на родину), в которых Петр предстает мудрым и милостивым правителем, Неплюев приводит и дидактические речи монарха: «Не кланяйся, братец! Я ваш от Бога приставник, и должность моя – смотреть того, чтобы недостойному не дать, а у достойного не отнять; буде хорош будешь, не мне, а более себе и отечеству добро сделаешь, а буде худо, так я – истец» [Там же, с. 420]. Описывая получение в Константинополе известия о смерти Петра, Неплюев не только фиксирует свои эмоции, но и высказывает заключительное суждение о его правлении, чего, сразу оговоримся, не удостоивается больше ни один правитель в его описаниях: «Я омочил ту бумагу слезами, как по должности о моем государе, так и по многим его ко мне милостям, и ей-ей не лгу, был более суток в беспамятстве; да иначе бы и мне грешно было: сей монарх отечество наше привел в сравнение с прочими; научил узнавать, что и мы люди; одним словом, на что в России не взгляни, все его своим началом имеет» [Там же, с. 424].

Во времена правления Екатерины I, Петра II, Анны Иоанновны Неплюев служил за границей, поэтому они упоминаются только в связи с оказанием помощи его семье в переезде в Константинополь и пожалованием чинов. Бирон и Анна Леопольдовна не упоминаются вовсе. Дочери Петра I автор «Записок» в итоге извиняет лишение его «знатного поста, ордена и деревень» [Там же, с. 426] по ее указу об отмене наград и званий, данных в бывшее правление: «...увидев дочь государя, мною обожаемого, в славе, ей принадлежащей, и в лице ее черты моего государя Петра Первого, так обрадовался, что забыл и все минувшее и желал ей от истинной души всех благ и последования ей путем в Бозе опочивающего родителя» [Там же, с. 427]. Также прощается Елизавете назначение командиром в Оренбургскую экспедицию (по сути, в ссылку), поскольку впоследствии, «видев

делам моим успех в пользу отечества, был совершенно доволен и спокоен, забыв ту прискорбность, с кою в сию экспедицию прибыл» [Неплюев, 1998, с. 429]. Неплюев сообщает, что получает отказ на свое прошение об отставке от Петра Федоровича, которому в бытность его великим князем сам отказывал в его желаниях, поскольку «все те начало свое брали от людей, жаждущих только своей корысти, с повреждением общей пользы и учрежденного законом порядка, то я <...> почасту представлял, по чему то исполнить вредно» [Там же, с. 437]. Поэтому восшествие на престол Екатерины II воспринимается как «утешение опечаленной России» [Там же, с. 438], и впоследствии она характеризуется «пекущейся неусыпно о устройении непоколебимого благополучия отечества» [Там же, с. 443].

Сама эпоха XVIII в. предопределила сверхличный характер культуры, особенно первой половины столетия. Петровские преобразования, утвердившие культ государства, сама личность Петра I, воспринимавшаяся как абсолют, становление и расцвет классицизма, утверждавшего примат разума и долга, – все это в совокупности, безусловно, определяло самоощущение человека, берущегося за фиксацию своих воспоминаний. Для русских мемуаров 20-х – 50-х гг. XVIII в. характерно совмещение личного и безличного повествования с преобладанием последнего (Прокотович, Манштейн, Нащокин). Благодаря чему авторы создают ощущение объективного взгляда на события, но даже в безличном повествовании мемуаристам, бывшим участниками или свидетелями описываемых событий, не удается избежать оценочных высказываний в адрес различных деятелей своей эпохи. При этом в адрес правителей мемуаристы избегают высказывать оценочные суждения, могущие бросить хоть тень сомнения на законность и правильность действий монарха, и описывают только факты, зачастую высказываясь в панегирической тональности. При этом фигуры правителей, находившихся у власти недолгое время и, по-видимому, в сознании мемуаристов не соответствовавших образу государя или не совершивших сколь-нибудь заметных деяний для отечества, могут обходиться молчанием.

В 1760-е – 1770-е гг. авторы мемуаров используют по преимуществу личное повествование и уже позволяют себе отмечать недостатки царствующих особ. В одних случаях мемуаристы так или иначе извиняют их, объясняя пагубным влиянием окружения или не признавая особо серьезными (Неплюев, Шаховской). В других случаях недостатки в государственном правлении или неправильные действия монарха видятся прямым следствием нелицеприятных качеств личности правителя (Долгорукая, Миних). Таким образом, в сознании мемуаристов, личностное формирование которых, как правило, еще пришлось на петровское время (Неплюев, Шаховской), фигура государя продолжает мыслиться как безусловная сверхличная ценность. Очевидно, она уже девальвируется в таком качестве в сознании людей постпетровской эпохи и / или лично пострадавших от правления какого-либо монарха (Долгорукая, Миних). Процесс индивидуализации в мемуаротворчестве в этот период происходит в двух направлениях одновременно – субъекта высказывания и объекта описания. Очевидно, что от начала столетия к 70-м гг. XVIII в. в России происходит эволюция мемуарного жанра – акцент повествования постепенно смещается от внешнего к внутреннему, от фиксации событий, свидетелями которых оказывались мемуаристы, к повествованию о собственной, личной, истории, в которой они выступают уже не столько пассивными свидетелями, сколько активными участниками и творцами ее.

Список литературы

- Анисимов Е.* Путники, прошедшие раньше нас // Безвременье и временщики. Воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720-е – 1760-е годы). Л.: Худож. лит., 1991. С. 3–24.
- Гинзбург Л. Я.* О психологической прозе. М.: Intrada, 1999. 416 с.
- Долгорукая Н. Б.* Своеручные записки княгини Натальи Борисовны Долгорукой, дочери г.-фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева // Безвременье и временщики. Воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720-е – 1760-е годы). Л.: Худож. лит., 1991. С. 256–279.
- Елизаветина Г. Г.* Становление жанров автобиографии и мемуаров // Русский и западноевропейский классицизм. Проза. М.: Наука, 1982. С. 235–263.
- Куракин Б. И.* Жизнь князя Бориса Ивановича Куракина им самим описанная. 1676–1709 // Архив кн. Ф. А. Куракина. СПб., 1890. С. 243–287.
- Маништейн К. Г.* Записки Манштейна о России. 1727–1744. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1875. 399 с.
- Миних Б. Х.* Очерк, дающий представление об образе правления Российской империи // Безвременье и временщики. Воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720-е – 1760-е годы). Л.: Худож. лит., 1991. С. 26–79.
- Нацокин В. А.* Записки // Империя после Петра. 1725–1765. М.: Фонд Сергея Дубова, 1998. С. 225–320.
- Неплюев И. И.* Записки // Империя после Петра. 1725–1765. М.: Фонд Сергея Дубова, 1998. С. 385–445.
- Никанорова Е. К.* Исторический анекдот в русской литературе XVIII века: Анекдоты о Петре Великом. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. 466 с.
- Приказчикова Е. Е.* Изображение монархов в русской мемуарной литературе XVIII века: в поисках образа идеального правителя // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14, № 5. С. 119–128.
- Прокопович Ф.* История о избрании и восшествии на престол блаженной и вечнодостойной памяти государыни императрицы Анны Иоанновны, самодержицы всероссийской // Сын отечества. 1837. Ч. 184, отд. 2. С. 23–73.
- Прокопович Ф.* Краткая повесть о смерти Петра Великого, императора и самодержца Всероссийского. СПб.: Тип. И. Глазунова, 1831. 120 с.
- Сосновцева О. В.* Источники личного происхождения Петровской эпохи // Изв. Саратов. ун-та. Серия: История. Международные отношения. 2007. Т. 7, № 1. С. 3–11.
- Тартаковский А. Г.* Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в.: от рукописи к книге. М.: Наука, 1991. 288 с.
- Шаховской Я. П.* Записки // Империя после Петра. 1725–1765. М.: Фонд Сергея Дубова, 1998. С. 9–176.

References

- Anisimov E. Putniki, proshedshie ran'she nas [Travelers who passed before us]. In: *Bezvremen'e i vremenshchiki. Vospominaniya ob "epokhe dvortsovykh perevorotov" (1720-e – 1760-e gody)* [Timeless and temporary. Memories of the “era of palace coups” (1720s - 1760s)]. Leningrad, Khudozh. lit., 1991, pp. 3–24.
- Dolgorukaya N. B. Svoeruchnye zapiski knyagini Natal'i Borisovny Dolgorukoy, docheri g.-fel'dmarshala grafa Borisa Petrovicha Sheremeteva [Personal notes of Princess Natalia Borisovna Dolgorukaya, daughter of General Field Marshal, Count, Boris

Petrovich Sheremetev]. In: *Bezremen'e i vremenshchiki. Vospominaniya ob "epokhe dvortsovykh perevorotov" (1720-e – 1760-e gody)* [Timelessness and Timekeepers. Memories of the “era of palace coups” (1720s – 1760s)]. Leningrad, Khudozh. lit., 1991, pp. 256–279.

Elizavetina G. G. Stanovlenie zhanrov avtobiografii i memuarov [Establishment of genres of autobiography and memoirs]. In: *Russkiy i zapadnoevropeyskiy klassitsizm. Proza* [Russian and Western European classicism. Prose]. Moscow, Nauka, 1982, pp. 235–263.

Ginzburg L. Ya. *O psikhologicheskoy proze* [About psychological prose]. Moscow, Intrada, 1999, 416 p.

Kurakin B. I. Zhizn' knyazya Borisa Ivanovicha Kurakina im samim opisannaya. 1676–1709 [Life of Prince Boris Ivanovich Kurakin described by himself. 1676–1709]. In: *Arkhiv kn. F. A. Kurakina* [Archive of Prince F. A. Kurakin.]. St. Petersburg, 1890, pp. 243–287.

Mansteyn C. H. *Zapiski Manshteyna o Rossii. 1727–1744* [Manstein's Notes on Russia]. St. Petersburg, Tip. V. S. Balasheva, 1875, 399 p.

Munnich B. C. Oчерк, dayushchiy predstavlenie ob obraze pravleniya Rossiyskoy imperii [Essay, giving an idea of the image of the Russian Empire reign]. In: *Bezremen'e i vremenshchiki. Vospominaniya ob "epokhe dvortsovykh perevorotov" (1720-e – 1760-e gody)* [Timelessness and Timekeepers. Memories of the “era of palace coups” (1720s – 1760s)]. Leningrad, Khudozh. lit., 1991, pp. 26–79.

Nashchokin V. A. Zapiski [Notes]. In: *Imperiya posle Petra. 1725–1765* [Empire after Peter. 1725–1765]. Moscow, Fond Sergeya Dubova, 1998, pp. 225–320.

Neplyuev I. I. Zapiski [Notes]. In: *Imperiya posle Petra. 1725–1765* [Empire after Peter. 1725–1765]. Moscow, Fond Sergeya Dubova, 1998, pp. 385–445.

Nikanorova E. K. *Istoricheskiy anekdot v russkoy literature 18 veka: Anekdoty o Petre Velikom* [Historical anecdote in Russian literature of the 18th century: Anecdotes about Peter the Great]. Novosibirsk, Sibirskiy khronograf, 2001, 466 p.

Prikazchikova E. E. Izobrazhenie monarkhov v russkoy memuarnoy literature 18 veka: v poiskakh obraza ideal'nogo pravatelya [The image of monarchs in Russian memoir literature of the 18th century: in search of the image of the ideal ruler]. *Humanitarian Vector*. 2019, vol. 14, no. 5, pp. 119–128.

Prokopovich F. Istoriya o izbranii i vosshestvii na prestol blazhennoy i vechnodostoynoy pamyati gosudaryni imperatritsy Anny Ioannovny, samodorzhtsy vserosiyskoy [The story of the election and ascension to the throne of the blessed and everlasting memory of the sovereign Empress Anna Ioannovna, autocrats of all Russia]. In: *Syn otechestva* [Son of the Fatherland]. 1837, pt. 184, dt. 2, pp. 23–73.

Prokopovich F. *Kratkaya povest' o smerti Petra Velikogo, imperatora i samodorzhtsa Vserossiyskogo* [A short story about the death of Peter the Great, Emperor and autocrat of all Russia]. St. Petersburg, Tip. I. Glazunova, 1831, 120 p.

Shakhovskoy Ya. P. Zapiski [Notes]. In: *Imperiya posle Petra. 1725–1765* [Empire after Peter. 1725–1765]. Moscow, Fond Sergeya Dubova, 1998, pp. 9–176.

Sosnovtseva O. V. Istochniki lichnogo proiskhozhdeniya Petrovskoy epokhi [Sources of personal origin of the Peter's era]. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology*. 2007, vol. 7, no. 1, pp. 3–11.

Tartakovskiy A. G. Russkaya memuaristika 18 – pervoy poloviny 19 v.: ot rukopisi k knige [Russian memoiristics of the 18th – first half of the 19th century: from manuscript to book]. Moscow, Nauka, 1991, 288 p.

Сведения об авторах

Рощина Ольга Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск, Россия)

roschina67@mail.ru

ORCID 0000-0001-9534-4436

Фарафонова Оксана Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск, Россия)

oxana.faroks@yandex.ru

ORCID 0000-0003-4205-6793

Information about the authors

Olga S. Roshchina – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Russian and Foreign Literature, Theory of Literature and Literature Teaching Methods of the Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation)

roschina67@mail.ru

ORCID 0000-0001-9534-4436

Oksana A. Farafonova – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Russian and Foreign Literature, Theory of Literature and Literature Teaching Methods of the Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation)

oxana.faroks@yandex.ru

ORCID 0000-0003-4205-6793